

«Ленин или Гитлер?»

Йозеф Геббельс

Речь в Цвиккау, 1926 г.

Мои дорогие германские соотечественники!

Мы, немцы, самая несчастливая нация на Божьей земле. Нация 60 миллионов, окруженная со всех сторон врагами, как в самой стране, так и за ее границами, нация, кровоточащая тысячами ран, – самые трудолюбивые люди в мире, – видит свой политический долг в том, чтобы разорвать себя на куски. Люди, которые имеют все причины сомкнуть ряды и, объединившись, оборонять себя от врагов, рассыпаются на десятки партийных организаций и профсоюзов и, несмотря на ожесточенные усилия, не могут найти пути к своей индивидуальности и осознанию своей миссии в мировой истории. Когда кто-то чувствует себя привязанным к этим людям в своем теплом, патриотично бьющемся сердце и вынужден с открытыми глазами следовать по пути ошибок на Голгофу в форме нашей национальной Воли, он вполне может временами утратить всякую надежду на будущее Германии. Следовательно, этот человек больше не поверит в то, что эти люди когда-нибудь найдут дорогу, непоколебимо проложенную к их собственной свободе.

И все же непоколебимая вера снова и снова пробуждает в нас последнюю надежду. Затем человек пытается серьезно и объективно понять разделяющие силы времени и нации, и внезапно, как удар молнии, к нему приходит осознание того, что мы определенно не такие уж несчастные, потерянные и разобщенные, как может показаться внешне. Возможно, мы по-прежнему признаем десятки партий и организаций в общественной жизни этого народа, но вместе с тем мы осознаем, что ничто фундаментальное не разделяет большинство этих партий и организаций: их можно проследить обратно до более простых основных форм и лишь по вполне определенным причинам, – а именно по причинам, важным для их собственного существования, – они симулируют глубоко укоренившиеся разногласия. Если мы проследим за ходом их мыслей более пристально, вся картина внутренней политики Германии одним махом упрощается, и мы полностью признаем, что, по сути, лишь три великих движения очерчивают политику современной Германии, три движения, которые, конечно же, фундаментально отличаются друг от друга, поскольку они являются формами выражения достаточно определенных типов политической философии.

Посреди всех политических партий и организаций мы видим великий блок “статус кво”, блок реакции, блок средних классов, тот консервативный блок, который вросся в систему, понимающую свою обязанность в сохранении сегодняшней государственной системы более или менее искусными методами, но любой ценой. Это тот блок, который простирается от социал-демократов и включает германских националистов; это тот блок, который желает, чтобы государство оставалось таким, каким оно есть в настоящее время! Чтобы быть уверенным, другая партия в

рамках этого блока выражает готовность к реформам, будь то в социальной либо национальной сферах. Одна партия настаивает на своих притязаниях с фанатическим усердием, другая в более умеренной и сдержанной манере, согласно настроением своих избирателей, но фактически все они соглашаются с сохранением и защитой системы: Демократия, Либерализм, Капитализм – эти вещи для них священны и нерушимы.

По бокам этого центристского блока “статус кво” группируются революционные движения, которые явно признают одну основную вещь, а именно, если мы хотим строить государство будущего, тогда дело нужно двигать не реформами, а настоящей революцией. Система либерально-капиталистической демократии уже настолько вся прогнила и разложилась, что ее нельзя больше латать и реформировать. Ее необходимо полностью разрушить, умственно и политически расшатать так, чтобы дать возможность молодому населению на руинах старого общества строить новое. Они признают суть твердой оппозиции для направления острия революции не только против преступников атакуемой системы, но также против самой системы. В этой революционной идее мы имеем дело с двумя интеллектуальными движениями, которые нашли политическое выражение в Коммунистической партии и Национал-социалистической рабочей партии Германии.

Когда я говорю о Гитлере или Ленине, я не имею в виду этих двух людей в их чисто случайной человеческой форме или уже совсем не случайной политической форме. Суть выше этого: мы имеем дело с этими двумя людьми, поскольку они являются воплощением, персонификацией идеи, которая, если мне будет позволено сказать, затрагивает всех нас. Давайте лучше будем считать этих двух людей победителями старой концепции государства и пионерами новой. Такова наша настоящая задача.

Политики, люди, которые делают историю, не появляются случайно. Человек и время связаны сложным образом. Время определяет человека, а человек придает времени его полное значение и важность. И это полностью касается политика. Его нельзя понять вне его собственного времени. Он возникает из своего времени, является дитем своего времени, своего народа, своей истории. Он представляет в самой понятной форме время, народ и его историю.

Ленин и Гитлер являются детьми системы, они стали покорителями системы. Если мы хотим понять их, какими они есть на самом деле, мы должны проанализировать темные силы их времени, должны научиться распознавать, что дало им рождение, чтобы начать понимать, куда они ведут. Они не только существуют, они должны существовать. Все в истории, включая политика, имеет свою историческую причину, и только из этих причин мы найдем дорогу к фактам.

Какая система должна победить, Ленин или Гитлер?

Давайте начнем с Германии.

Если сегодня мы вынуждены болезненно переносить унижения настоящего ради будущего, то мы должны искать

причины, почему все должно быть так, как оно есть. Являлась ли война, являлось ли 9 ноября 1918 года, или даже имеющая дурную репутацию система времен кайзера Вильгельма, ответственной за наш последующий крах?

Нет! И тысячу раз нет! Причины лежат значительно глубже, в десятилетиях, почти столетие назад. Я попытаюсь очень кратко обрисовать их. Наряду с растущей индустриализацией Германии приблизительно в середине прошлого столетия в стране мыслителей и поэтов рос германский материализм. В то же время на нашей германской земле почти каждый день появлялись громадные предприятия, вокруг которых миллионами концентрировался новый городской пролетариат. Эти миллионы вынуждены были следовать фатальной дорогой отчуждения от государства и нации. Правящий класс не понимал народа, не понимал, как интегрировать эти миллионы в нацию, как связать их радости и страдания с душой нации. Чем больше становились эти массы, тем дальше они отделялись от тесного единства государства. Их толкали в левом направлении. <...>

Следует трагически винить буржуазно-националистическую интеллигенцию за то, что она не раскусила такой ход событий, за то, что позволила событиям развиваться своим ходом, вместо того, чтобы стать во главе рабочих, сражаться за их существование, следовательно, за саму нацию. Буржуазия наблюдала за этими событиями и упорно отвергала их: она даже не попыталась связать самый низший класс с нацией через самопожертвование. <...>

Социализм и Национализм абсолютно несовместимы. Чем более убежден националист, тем грубее он противостоит социалистическим идеалам. Наш народ вел героическую войну в 1870-71 гг. и в борьбе завоевал свое политическое существование и значимость. Он сражался за абсолютную концепцию национализма и не смог найти ее.

Последовавшее за этим составляет самый ужасный урок германской истории. Люди пресытились. Люди, имевшие все, что пожелают: власть, богатство, собственность. Но эти люди были больны, казалось, неизлечимо больны. В их сердцах лежали семена смерти. Сердце гнило изнутри. Это уже не был сильный организм и не единое политическое тело. Он смертельно кровоточил из глубокой раны социального бедствия. Снова и снова врач прилежно навещал больничную койку этого народа, смотрел на зияющую рану, жал плечами, качал головой и с отвращением уходил. Возможно, также, из-за жалости, страха и стыда он накладывал на рану перевязочный материал социального благосостояния. По крайней мере, видно ее больше не было.

Но эта рана разрасталась и гноилась под повязкой, она разъедала жизненно важные органы тела и была готова уничтожить весь организм.

“Германия удовлетворена!

Германия больше не имеет политических притязаний!

Германия желает покорить мир мирным соперничеством!”

Таким был самый последний политический афоризм либеральной буржуазии, коррумпированной торгашескими целями и желанием прибыли.

Но эти несчастные люди еще раз объединились в августе 1914, надели свой стальной шлем и совершили потрясшие мир деяния, перед которыми отнимало дыхание у времени и вечности. Четыре года эти люди стояли, не дрогнув под шквалом пуль лишь для того, чтобы погибнуть так же жалко, как и любые люди в истории.

Ужасная загадка! Такая же ужасная, но уже не таинственная, когда мы анализируем лежащие в ее основе причины.

Ни систему, ни 9 ноября 1918 года нельзя винить в единственном числе за катастрофу. Они действовали вместе, в трагическом союзе. Слово “ноябрь-преступник” было подобно ругательству для нас. Очень долго, фатально одураченные, мы видели в них только участников той трагикомедии 9 ноября. Сегодня мы видим дальше и глубже. Вина остается прежней для тех жалких негодяев, которые обещали свободу, мир и хлеб, но разрушили все надежды. Однако в равной степени уменьшается мера искупления, требуемого историей, вины тех в так называемом националистическом лагере, кто, эгоистично обманывая себя, создал исторический фундамент для 9 ноября, исключив массы из обеих сторон общества.

9 ноября представляло собой вероломство с обеих сторон. Правящий класс, с националистической точки зрения, пал. Он укрылся в мышинных норах, и шторм пробушевал у него над головой. Марксизм пал с социалистической точки зрения. <...>

Это была не революция! Это был заговор: это был жалкий, никудышный, трусливый, торгашеский переворот!

Переворот начался уже во время войны. Пока героическая молодежь Германии жертвовала свои трижды священные жизни во имя нации в кровавых битвах Первой мировой войны, марксистские предатели народа бродили по стране и призывали к переговорам. Исповедовали переговоры, хотя знали, что животное упоение врага победой требовало разрушения и только разрушения. Нация гибла за партию. К 9 ноября 1918 года марксистские предатели были готовы помочь благословить и короновать общественное преступление, совершенное против германского народа на последующие десятилетия. В то время, когда Германия сражалась за свое существование, в их дешевых газетенках героический германский народ, перед делами которого время затаивало дыхание, был оскорблен, оклеветан, оплеван и оскорблен. <...>

В счет Партии и только Партии! (Т.е. социал-демократической партии).

Итак, мораль, собственность и сила были отброшены. И никто ни разу не слышал, чтобы среди этого народа прошла волна негодования, когда “Форвертс”, так называемая рабочая газета, наиболее позорное слово в германской истории, вымолвленное без наказания, написала, что священной волей

социал-демократии было, чтобы германский народ сдал свои знамена навсегда, не донеся их домой для окончательной победы. Может ли быть большее лицемерие? Социал-демократия позволила во время войны, – у нее были средства противостоять, без общей забастовки и не совершая государственной измены, – капиталистической эксплуатации закабалить этот народ до такой степени, которая не была известна истории. Почему? Потому что это было выгодно партии, потому что это было средством уничтожения в руках тех, кто желал использовать партию в качестве орудия против народа и нации. Кто-то льстит социал-демократии, называя ее интриганом, саботажником, ферментом распада. Ибо она слишком мала, слишком криклива, слишком неуклюжа и слишком высокомерна. А вот за ее спиной мы видим целую банду разрушителей, гиен на поле битвы германского труда, жаждущих власти и трофеев.

Социал-демократия была поставлена во главе государства доверием германского пролетариата. Затем она самодовольно и глупо замаскировала эту форму разрушения, позволив беспрепятственно совершить этот ужасный акт убийства всего народа – ради партии.

Итак, наступило, итак, должно было наступить, 9 ноября 1918. Никогда в истории мира не было более глупого, трусливого и бездумного переворота. Кроме всех невзгод, нищеты, всего национального и социального унижения он с бесконечным позором выставил нас перед лицом истории. Это была не революция. Это был театр, лживый, лицемерный и беспочвенный переворот бессмысленного и мелочного партийного толка.

Господин Шейдеман стоял на сцене парламента и предлагал людям мир, свободу и хлеб, в то время как далеко на западе канонада по-прежнему громыхала животной страстью к разрушениям поверх его пустых фраз. Он принес нам свободу: для его партии, для предательства 9 ноября. Он принес нам мир. Мирный договор в Локарно с тем самым капитализмом, который так ханжески и усердно атаковали. Он принес нам хлеб: хлеб рабства, который мы едим со слезами. Он, точнее, он и его партия выиграли прямо за линией фронта. Но германский народ проиграл, полностью проиграл прямо за линией фронта.

Позвольте мне задать один единственный вопрос: что принесло 9 ноября германскому рабочему в чисто материальном смысле, кроме нереальных ценностей? Где же достижения этого базового переворота? Я слышу крик: “Восьмичасовой рабочий день”. Этот крик противоречит самому себе. Скоро, мой друг, настанет время, когда вам не нужно будет работать 8 часов или даже 6 часов, когда вы не найдете даже часа работы в Германии Давида. В то время говорили какую-то бессмыслицу о национализации. Конечно, что-то было: национализированы должности в окружном магистрате, парламентского президента и мэра для руководителей социал-демократической партии. В то время упоминались какие-то поместья. Конечно, кое-кто устроился: господин Шейдеман устроился в богатой синекуре в Касселе. Господин Лейнерт – в Ганновере, господин Северинг – в Пруссии.

Если марксистские шишки имели в виду такую национализацию и обеспечение кровом, то они достигли своей цели, с Божьей помощью они выполнили свою программу в совершенно ясном смысле. Однако давайте поставим себя на место руководителей социал-демократов, как бы трудно это не было. Они заявляли, что капитализм необходимо уничтожить, они видели в капитализме воплощение системы 1914 года, они верили в свой долг сбросить такую систему, чтобы расчистить путь социализму. В этом была бы историческая значимость 9 ноября. Однако не хуже любого другого они знали, что Германия окружена капиталистическими врагами, которые чурались коммунистического государства, как чумы, даже такого, которое построено в таких умеренных масштабах. Для защиты этого государства, для защиты социализма им нужны были действенные средства – оружие, воля, фанатизм. Для них, социалистов, лидеров рабочих, чтобы укрепить эти средства, необходимо было также время. 9 ноября 1918 могло бы завоевать историческую значимость, если бы марксистские лидеры в качестве апостолов призывали народ сражаться за права социалистического государства. Вместо этого они уничтожили оружие, волю и фанатизм: они систематически уничтожали любое сопротивление и любой инстинкт к сопротивлению. Почему? Потому что им не нужна была революция в этой борьбе, потому что они даже не желали социализма, им не позволяли желать его. Из-за необходимости воля и фанатизм были бы направлены против тех, кто фальсифицировал социализм после 9 ноября, кто видел в нем лишь легкий путь к полному господству капитализма, кто, подобно марксистским лидерам иностранной расы стали фактическими могильщиками социализма.

Таким образом, 9 ноября вынуждено было стать переворотом, нелепым, безнравственным переворотом мошенников с товарной биржи, а марксистские лидеры были достаточно глупы и простодушны для господ из инвестиционных трестов, чтобы поддержать ловкий трюк мошенников необходимой театральной лавиной речей и заупокойных слов.

Затем случилось то страшное и нелепое. Разбивались окна и сжигались склады. Все во имя революции. <...> Был расчищен путь для беспрецедентной эксплуатации. Все во имя революции. Господин Шейдеман в то же время с сияющими, как звезды, глазами говорил о зарождающемся социализме, отправлял протесты через Рейн и с поклонами свидетельствовал о почтении к насмешкам врага, которому он 9 ноября выковал самое острое оружие для борьбы против германского народа. Его рука не дрожала, и, тем не менее, Версальский договор был подписан, был подписан из-за того, что он расчистил ему дорогу посредством 9 ноября.

Какими же бесконечно жестокими стали последствия этого предательства, особенно для тех, перед кем “народные делегаты” притворялись, что осуществляют 9 ноября исключительно для германских рабочих. Давайте не будем ходить вокруг да около! Какой же пустой и бессмысленной выглядит фраза: концепция социализма нелегка при разрушенной экономике. Как часто Шейдеман и Эберт рассказывали нам правдоподобную сказку о том, что национализация улучшит экономику и сделает государство более продуктивным во всех отношениях.

Почему же тогда они не осуществили эту национализацию, когда у них была власть сделать это, когда нужно было испытать все средства, чтобы спасти народ?

Потому что они не желали социализма – им не позволяли желать его.

В этом состоит преступление, которое марксизм совершил против нации, преступление марксизма против немецких рабочих. Измена национальному принципу, измена принципу социализма. Значение 9 ноября состоит в том, что марксизм был оставлен на нескончаемое растерзание его хозяевам и повелителям. Капитал и гиены.

Произошло все, что должно было произойти, в ужасной, логической последовательности. Вокруг шеи германского народа была стиснута цепь национальных унижений, а каждое национальное унижение вызывало с ужасным постоянством новые социальные невзгоды. У поработенных людей нет ни права, ни времени на социализм. Он должен работать на своих надсмотрщиков.

Мы в Германии опустились до самого нижнего уровня рабства. Мы голодаем и бедствуем под игом иностранных поработителей, платим сполна и не имеем возможности высвободить германский дух будущего для предназначенного ему пути. <...>

Мы подписали Версальский договор – и ни одна рука не дрогнула.

На конференции за конференцией мы позволяли, чтобы нас унижали, как никто бы не решился унижить негра – и никто ни разу не вышел и не закричал “Нет!”

Район Рура оккупирован – и германский народ скрывает свою трусость среднего класса за пассивным сопротивлением.

Район Рура потерян – и господин Густав Штреземан зажигает искру надежды на горизонте.

План Дауэса был подписан, – его превосходительство говорит, что у него почти не было альтернативы.

Искра надежды Густава Штреземана сияла, как метеор. Район Рура был эвакуирован. Этого хотели высшие финансовые круги. Франция сыграла свою роль судебного пристава. Кредитор заплатил добровольно. Скрипя зубами, шовинистическим генералам Франции пришлось отказаться от своего излюбленного роскошного жития. Уолл-Стрит и Сити завидовали им. <...>

Ужасная линия от Версаля до Локарно. Как такое случилось, почему так должно было произойти?

Когда Дауэс угрожал Германии, поднялись предупреждающие голоса. Но этих людей заверили, что Дауэс – это единственный путь к спасению. Важные политические вопросы изъяли из сферы компетенции политиков и отдали в руки банкиров. <...>

За бачок супа Германия продала все свои суверенные права, свою финансовую суверенность, свою экономическую суверенность, свою транспортную суверенность. Мы кастрировали самих себя. После 29 августа 1924 года у нас больше не осталось права называть себя цивилизованными людьми. Германия стала лишь колонией международного капитала.

Вот так-то План Дауэса принес нам экономический мир.

Политические успехи заразительны. Густав Штресеман не успокоился, пока не добился политического мира.

Он дал его нам посредством Локарно. <...>

Современный германский Бисмарк дал Германии экономический мир. Теперь же он давал ей мир политический. Фильм достиг своего конца.

Что же означает Локарно? Не мир, а войну!

Господин Штресеман – это не отец, это отчим и локарнский законовед – договоры о безопасности берут свое начало в Лондоне, а не в Берлине. Мировому капитализму нужны рынки сбыта и возможности займов в России и на Дальнем Востоке. Англия ненавидит Советы, поскольку они сохранили старую панславянскую политику царизма. Чтобы получить кредиты, Франция предоставила в ее распоряжение своих наемников высших финансов. В гигантской борьбе, разразившейся между миром капитализма и производящими странами на Востоке, Англия не была заинтересована в не обустроенной Европе. Ей нужен был мир для ее политики в Азии. Западные демократии вооружались для генеральной кампании против Советской России... <...>

На политическом горизонте, подобно устрашающей громовой буре, собирается новая Мировая война. Мир в Локарно является всего лишь подготовкой больших финансов к следующей войне. <...>

В национальном лагере уже можно услышать первые звуки фанфар, призывающие к священному крестовому походу против большевизма. Уже буржуазия зазывает молодежь нации для своих эгоистических целей к схватке с Россией. Германские националисты по-прежнему настроены против Локарно, но с сильными оговорками. Как бы то ни было, принимать План Дауэса и отвергать Локарно – нонсенс. Ибо это одно и то же. Тем, чем является план Дауэса в сфере экономической политики, является и Локарно в области политики державы: добровольная сдача всех германских суверенных прав мировому капиталу.

Близится следующее великое мировое сражение. И в этой мировой борьбе германская молодежь из лекционных залов и фабрик окажет услугу своему злейшему врагу во имя свободы, во имя цивилизации, во имя прав человека.

Таково политическое развитие Европы в прошлом и будущем. Такова система равенства и братства, в которой мы живем. Система, падение которой мы рассматриваем и которого

желаем. Все, кто пособничал этой системе, стали соучастниками преступления: от социал-демократов до германских националистов. Ни одна из этих партий не смогла принести Германии свободу. Все они собьются вместе перед приближающейся катастрофой государства. Между ними и нами не будет окончательного спора относительно государства будущего, но такой спор может скорее состояться между теми, кто находится в безоговорочной, ожесточенной, последовательной оппозиции к этому государству, между коммунизмом и национал-социализмом. Эта борьба развивается в логической, исторической последовательности, она проходит на германской земле и решит всю судьбу Германии.

Осознание этого приближающегося события требует ответственности. Перед нами стоит задача прийти к взаимопониманию честно, объективно, без демагогии и без разглагольствований о моменте. Мы должны прийти друг к другу, вы, левые, и мы сами. Так как в основном и вы, и мы, наверняка, желаем одного и того же: наша цель – свобода. Мы озабочены лишь одним трудным вопросом: как достигнуть этой свободы и какую форму она приемлет. Мы не можем быть правы одновременно. У нас две радикально отличающиеся политические идеологии: одни правы, а другие неправы. Против капитализма мы все, всегда и навеки правы.

Из разрушенной системы появится воля к свободе. Она найдет свою форму в основных новых идеях: в большевизме и национал-социализме. Оба появляются с абсолютной верой, что свободы можно достичь через падение всего мира. Большевизм и национал-социализм отобразились в двух людях, которые идут впереди решительного меньшинства с волей к будущему – в Ленине и Гитлере.

Мы рассмотрим каждого из них, как сторонника идеи.

Сейчас будут обсуждаться человек и идея.

Ленин-Ульянов, сын обедневшего мелкого русского дворянина, воспитывался в нищете и социальных бедствиях русской интеллигенции, которая уже глубоко находилась под влиянием пролетариата. Он на себе испытал, что такое голод. Не по книгам, а по своей тяжелой собственной и жестокой жизни изучал он социальные невзгоды, свои и своих товарищей. Он рано стал революционером, а вскоре также и марксистским революционером. Он учился в русских университетах, борясь со страшной нуждой; он глубоко понял социальную, экономическую и политическую ситуацию в своей стране и ее народ, и ужаснулся ужасному будущему, которому угрожала неограниченная власть царя.

Будучи студентом, Ленин познакомился с голодом, как со своим ежедневным гостем. Он принадлежал к молодой русской интеллигенции, уже тогда полностью пролетаризированной, которая была в оппозиции царскому государству. Он жил в стране, в которой социальная нужда вознеслась до небес. Только подумайте: в России до войны можно было неделю плыть по Волге, минуя владения одного и того же хозяина, а на краях этого маленького королевства ютились переполненные, грязные

домишки, в которых жил русский крестьянин, все еще наполовину порабощенный.

Русский крестьянин, неиспорченное дитя природы. Молодой, крепкий, привязанный к земле, незараженный западной цивилизацией, полный веры, благочестия, фанатизма и мистицизма. Непроснувшийся и некультурный. С приставшим к нему запахом земли. Он нес свое ярмо, как предначертание, как судьбу. Спокойный и наделенный необычайной способностью переносить боль и страдания.

Русский по-прежнему связан со своей судьбой. Он переносит невзгоды своего времени наполовину охотно, наполовину неохотно, со смутным, не проясненным стремлением к частной собственности и свободе. Этому народу не хватает доступа к свободе, не только конкретного доступа, но и любого доступа. Он будет приветствовать и жадно поглощать все, страстно отдаст себя тому, кто пообещает ему свободу. Тот, кто в один день выведет его из бедствий, станет его спасителем, его апостолом, его Богом. <...>

Среди этих людей самым великим был Ленин. Он хотел указать путь этому народу. Для этого народа он стал ВСЕМ.

За веру в свои идеи он перенес гонения и преследования. Он дожидался своего времени. Наступила война. Россия пожертвовала западноевропейскому призраку миллионы человеческих жизней. Ленин ждал. Пришел Керенский. Керенского смели. Он хотел, чтобы Ленин присоединился к нему. Он предлагал ему посты, ведомства, деньги. Ленин сказал: "Нет". Он хотел быть единоличным правителем. Его путь не переносил компромиссов.

В 1917 настал его час. Большевицкая революция вознесла его до главы государства России, разрушенного кровавой войной, и он начал работать на Революцию. <...>

Аграрная реформа Ленина означала для русского крестьянина частичное решение социальной проблемы.

Но как же с промышленной реформой Ленина? Для нас, немцев, этот вопрос намного важнее, нежели вопрос аграрной реформы. За последние пятьдесят лет мы стали индустриальным народом, и экономика является для нашего сегодняшнего государства решающим фактором. Сегодня состояние экономики глубоко затрагивает жизнь нации, а, следовательно, и жизнь индивидуума.

Таким образом, индустриальная реформа Ленина является для нас критерием ценности или никчемности системы Ленина.

Естественно, Ленин национализировал индустрию России. Тем не менее, она двигалась к катастрофе. В чем же причина?

Промышленная реформа имела место в России согласно рецептам, предписанным Карлом Марксом. Была предпринята попытка слить промышленность и государство. Она не удалась. <...>

Индустриальная реформа Ленина явно показывает, что большевизм фактически является ничем иным, как пешкой в руках капитала. Он всего лишь стадия, направленная на абсолютный диктат товарной биржи.

Необходимо четко определить: капитал и капитализм – это две разные вещи. Борьба ведется против капитализма, а не против капитала. Тот факт, что существуют заводы и шахты, не объясняет нашего затруднительного положения: дело в способе, которым они управляются и эксплуатируются против всеобщего благосостояния.

Капитализм – это аморальное распределение капитала. <...>

Абсолютно ясно, что русская индустриальная реформа четко придерживалась учений Маркса; основой большевизма есть марксизм. Он потерпел поражение в России. Следовательно, прежде всего, необходимо проанализировать теорию марксизма. Основа этой дискуссии естественно сформировалась систематическим изложением программы Маркса в его книге “Капитал”. Буржуа считает ее причиной, фундаментальным злом наших экономических невзгод. Так ли это?

Карл Маркс лишь наполовину правильно отобразил причины капиталистической динамики. Индустриализация европейских стран приводит к тому, что пролетаризуется большая прослойка общества, а средства производства все больше и больше сосредотачиваются в руках немногих. Согласно Марксу, средства производства медленно теряются рабочим людом. Формируются два класса – класс обманутых рабочих и класс обманывающих работодателей. Эти два класса должны развязать кровавую войну друг с другом. А, следовательно, лозунгом марксизма есть “Классовая война против капитала!”

И тут мы подходим к нашей национал-социалистической критике марксизма. Сам Маркс, будучи евреем, знал только одну форму капитала. И все же имеется громадная разница между капиталами. Есть два вида капитала, и эти два вида капитала различаются так сильно, что мы должны анализировать их фундаментально различными способами. Мы не трогаем держателей капитала, а имеем дело с самим капиталом, представленным ими. Мы, национал-социалисты, дифференцируем рабочий капитал, государственный национальный капитал и хищный международный спекулятивный капитал. Где же разница?

Что такое нация? Что такое национальный?

Для нас нация является органическим единством людей в рабочем обществе судьбы. Люди – все мы, кто работает совместно, а национальное – это все, что дает этим людям жизнь, их национальное бытие. Национальный капитал – это рабочий капитал, который тяжело трудится ради блага нации: он привязан к границам страны, к людям, к государству. Он состоит из фабрик, железных дорог, пахотных земель, суши, шахт, муниципальных и федеральных строений, короче, национальный капитал – это государственный капитал, который абсолютно необходим для жизни народа, мы не можем представить его

отдельно от жизни народа, не представляя в то же время конец народа. Национальный капитал не только создает ценности, он также представляет собой нечто стабильное. Наши шахты, например, нельзя увезти за границу, они должны оставаться в стране.

В противоположности национальному государственному капиталу стоит международный спекулятивный капитал. Этот спекулятивный капитал уже не состоит из фабрик, шахт, железных дорог, зданий; он состоит преимущественно из денег, а еще лучше, из золота. И это золото, которое было накоплено из доходов экономической системы, стало хозяином экономической системы. <...>

Диктат банков и фондовых бирж над всеми народами – вот цель спекулятивного капитала. Золото мобильно, его можно перевозить из страны в страну, оно интернационально, не привязано к своей стране: это делает его более удобным для фондовой биржи в реализации своей цели. Легко понять, каким образом происходит такая реализация.

Основной заботой фондовой биржи, естественно, является устранение со своего пути национальных государств как можно быстрее и полнее. А в рамках национальных государств – национальные классы. Она должна уничтожить их, чтобы на руинах возвести всемирную диктатуру золота. Ибо национальные классы всегда будут реагировать против любого яда, угрожающего разрушить тело народа.

Давайте в качестве примера возьмем Германию, поскольку мы уже почувствовали этот отравляющий процесс в нашем собственном теле и по-прежнему должны испытывать его ежедневно. Спекулятивному капиталу необходимо уничтожить пять наших социальных классов, чтобы достичь своей цели – национальную буржуазию, национальную интеллигенцию, германскую экономику, германское сельское хозяйство и, наконец, германских рабочих.

Однако каждый из этих классов владеет определенным оружием, которым он сможет защитить себя.

Фондовая биржа начала со среднего класса. Его два оружия – это движимый и недвижимый капитал, деньги и собственность, земля. Следовательно, война на уничтожение фондовой биржи должна быть направлена против этих двух факторов. И что случилось? Мошенники создали инфляцию, девальвировали валюту. “Немецкое” правительство, активный и усердный агент фондовой биржи, наложило такие непосильные налоги на собственность, что право собственности уже не является правом собственности, и буржуазия осталась безоружной перед жадной властью биржевых маклеров.

Когда ликвидировали буржуазию, национальная интеллигенция также умерла. Национальная интеллигенция почти вся вышла из буржуазии. Теперь, когда этот класс избивали до смерти, международным бандитам с фондовой биржи не составило труда подавить национальную интеллигенцию и сделать ее, прежде всего, трусливо восприимчивой к пацифизму

и демократии. В России тех, кто сопротивляется и выступает в оппозиции против бесстыдного уничтожения товарной биржей, ставят к стенке; в Германии же тех, кто говорит правду, когда уже не может держать язык за зубами, пытаются душить экономически. <...>

Для того чтобы воткнуть нож в спину экономике, фондовой бирже нужен союзник. Такой союзник нашелся в лице марксистского рабочего класса, так как фондовая биржа ввела в марксизм своих посредников, которые привели марксизм к отрицанию национального капитала и созданию для него национальных препятствий, чтобы фондовая биржа с минимумом усилий могла перекачать этот капитал себе. Конечно, промышленности и сельскому хозяйству, из-за их антиобщественного поведения, остается винить за то, что все произошло таким образом, только себя. <...>

Для нас жизненно важной проблемой сегодняшних дней является решение социального вопроса. Социального вопроса не в смысле меньше работать и больше получать. Для нас социальный вопрос является вопросом возможности и способности взаимопонимания между немцами-соотечественниками.

Германия будет свободной лишь тогда, когда тридцать миллионов левых и тридцать миллионов правых придут к взаимопониманию.

Такой цели никогда не достигнуть буржуазным партиям. Марксизм и не желает достигать этого.

Лишь одно движение сейчас способно сделать это – национал-социализм в олицетворении своего лидера Адольфа Гитлера.

Кого больше всех ненавидят в Германии сегодня?

Адольф Гитлер не выходец ни из интеллигенции, ни из высших десяти тысяч. Этот человек испытал всю социальную нищету своего времени, он изучал социальные проблемы не по книгам, а через свое собственное тело. Голод и холод, нищета безработицы – он слишком рано испытал это в своей жизни. Это просто удивительно, что он очень рано начал размышлять над тем, почему все так происходит, и начал искать причины этих страданий.

Он добровольцем принимал участие в Первой мировой войне, был простым солдатом в Баварской армии. И война полностью раскрыла ему глаза. Он сам доискивался первопричин. И то, что он увидел, глубоко поразило его.

Измена марксизма рабочему люду Германии в ноябре 1918 года, ничтожность и трусость национальной буржуазии, огромная пропасть между людьми, считавшими, что их судьба принадлежит всем соотечественникам вместе, – все это привело Гитлера к решению посвятить себя политической работе в будущем.

Гитлер понимает, что только новая идея, только идея национальной воли и социалистической справедливости в состоянии построить Германию будущего. Он понимает, что буржуазные партии не смогут создать новое государство, поскольку они даже не могут защитить старое, так как в 1918 году они уползли на четвереньках, как трусы, и этим предали Германию, их родину, в тяжелый для нее час.

Он понимает, что марксистские партии не сделали из 9 ноября 1918 года революцию для их свободы, а сделали революцию для фондовой биржи, что они разрушили Германию для того, чтобы подать ее на блюдечке западному капитализму.

Марксизму совсем не нужен социализм, потому что за ним укрываются люди, которые по-прежнему исповедуют религию свободы, мира и хлеба, и, тем не менее, которым совсем не нужно социальное освобождение, а лишь использование рабочих в качестве готовых рабов для своих собственных целей!

Благодаря буржуазному предательству национального принципа и предательству марксизмом социального принципа образовалось то, что мы называем национал-социализм. <...>

Мы глубоко убеждены в том, что германский трудящийся отторгает себя от нации, так как у него нет своей доли в нации. Мы осознали глубокую причинную связь между социальным освобождением рабочего и национальным освобождением Германии.

Мы больше не верим в Интернационал. <...>

Мы хотим начать борьбу против этого всемирного врага. Мы хотим создать из Германии государство, а из германского народа – нацию. Наши люди должны быть готовы поглубже воткнуть кинжал в сердце врагу.

Все еще предпринимаются попытки нейтрализовать рабочее движение под международными лозунгами и повести его по фальшивому пути. Где бы режим не становился прогнившим и коррумпированным, он становился все больше интернациональным, естественным путем и силой. Чем больше коррумпирована система, тем более интернациональными являются ее обязательства. Интернационал – это враг. Он пытается убедить нас в идее интернационализма, поскольку он знает, что тогда он будет непобедимым на века. Интернациональное возможно уничтожить лишь национальным. Где бы ни поднимались народы против международного врага, они теснее сплачивались на национальной основе. <...>

Но если мы хотим разъяснить германскому рабочему моральный долг его борьбы против этого мирового проклятья, мы должны показать ему, за что он борется. Мы должны вернуть ему потерянное, то, что завистливые, безответственные элементы забрали у него.

Сегодня этот пролетарий стоит перед нами с грубым обвинением: “У меня нет родины, которая называется Германия”. Мы понимаем это. Мы больше не верим буржуазным невеждам и пустозвонам, которые утверждают, что Родина – это вещь в себе.

Мы больше не верим, что Германию можно освободить ликующим и подвыпившим патриотизмом. Когда пролетарий стоит перед нами с обвинением: “У меня нет отечества”, мы знаем, что это обвинение глубоко оправдано.

Что дает ему такое отечество? Жизнь, полную тяжелого труда, нудной работы с раннего утра до поздней ночи. Все это, тем не менее, можно вынести. Но другой вопрос – “За что, на кого я работаю?” – требует ответа. А если такого ответа нет, тогда вопрос грозит разочарованием и обвинением. Я не могу требовать от человека того, чего он не уважает; уважать то, чего он не знает. Немецкий пролетарий не любит свою Родину, так как он не имеет доли в этой Родине.

Мы хотим дать ему его долю. Мы хотим доли в собственности, доли в управлении этой собственностью, доли в управлении государством и ради тебя, германский пролетарий, мы восклицаем: “Ты ненавидишь не Германию, ты ненавидишь форму этой Германии, демократию и капитализм”. Ты вправе ненавидеть это. Если ты борешься против этого, то мы на твоей стороне. Когда ты говоришь: “У меня нет отечества”, мы понимаем тебя. Но неправильно говорить: “У меня нет отечества, и я не хочу отечества”, тогда как лозунг, который может привести тебя к свободе, гласит: “У меня нет отечества, оно украдено у меня людьми, у которых нет на него права. Они украли отечество у меня не из-за того, что могут похвалиться правом сильнеешего. Они были не сильнее, а умнее, злее, хитроумнее меня. У меня нет Родины, но я хочу вновь получить эту Родину с помощью кулаков!” Именно этот боевой клич может привести Германию к свободе.

Социальная проблема состоит в том, чтобы вновь сделать стабильным международный пролетариат в городах. Германский пролетариат является интернационалистом не из-за любви к интернационалу, а из-за того, что ему негде пустить корни. Стабильность повышает чувство к родине. Чувство к родине – это эмбрион национального сознания. Давайте возьмем простой пример, – когда вы приезжаете в незнакомый город, вы чужой в этом незнакомом городе. Вы будете ходить по улицам этого города, не чувствуя никакой привязанности к нему. Вы будете с нетерпением ждать того дня, когда сможете стряхнуть пыль этих улиц со своих ног. Когда вы на расстоянии видите башни вашего родного города, ваше сердце начинает биться быстрее. Почему? Потому что вы привязаны к этому городу посредством некой вещи, которая принадлежит вам, будь то земля, дом, семья, мать. Это связывает вас; здесь вы можете пустить корни; здесь вы привязаны к своему дому и в радости, и в печали. Германский пролетарий не любит свою родную землю, так как у него нет родной земли.

По этой причине мы хотим дать ему место, где бы он мог пустить свои корни; мы хотим дать ему долю в том, к чему он стремится; мы хотим вновь интегрировать его в нацию; мы хотим связать его ответственностью с горем и радостью его отечества; мы хотим сделать его членом этого отечества, членом этой нации. Мы поняли, что без него это не будет работать. Мы знаем, что с ним связана будущая судьба Германии. Мы не обращаемся к нему с буржуазной заумностью и социальной жалостью, но мы

обращаемся к нему с глубоким осознанием того, что он является частью Германии, возможно, даже самой Германией. На карту поставлена Германия, и всегда Германия!

Социальный вопрос – это не вопрос буржуазной жалости, а вопрос социалистической, политической необходимости. Мы знаем, что должны сражаться за принципы против твердого большинства в Германии. Мы знаем, что путь, которым мы хотим следовать, это не путь голосования, а путь последовательного разрушения, путь революции. Мы хотим этой социальной революции для того, чтобы освободить Германию на национальной основе, чтобы навсегда установить социальную революцию. Для нас руководящей волей является высказывание Лягарде: тот, у кого нет ни мужества, ни воли для внешней революции, не сможет совершить внутреннюю революцию в себе. Мы требуем этой внутренней революции от сегодняшнего немца, этой перестройки и разрушения в самом себе, этого перехода от старого к юному гражданину нового Рейха. То, что мы хотим, намного превосходит буржуазию, намного превосходит реакцию. Мы хотим покорить буржуазию торжеством пролетарского принципа. Ничего не связывает нас с этим демократическим Рейхом. Ничего не связывает нас с государством 1914 года. Мы научены опытом. Мы видели созданный Рейх, который продержался тысячи лет, и мы видели развал этого Рейха из-за того, что он стал дряхлым и прогнившим, развалился под злом, завистью и невежеством германских принцев.

Структура распалась, принцип остался! Мы были свидетелями тяжелого периода перехода от Первого Рейха ко Второму. Мы были свидетелями, как этот Второй Рейх создавался под пушечным огнем у Парижа. Мы были свидетелями крушения этого Рейха под сокрушительными ударами 9 ноября 1918 года: он распался, так как стал дряхлым, рухнул, так как его сторонники не смогли проявить мужество или силу для защиты. Мы живем на руинах этого Второго Рейха. Вокруг нас происходит процесс распада этого государства. Распалась структура, принцип остался!

Мы хотим отчеканить германский принцип в новой форме, в форме Третьего Рейха. Мы хотим этого Третьего Рейха с пылом наших сердец. Третьего Рейха великой Германии, Третьего Рейха социалистически разделенной судьбы. Это намного превосходит идеи братства, намного превосходит примитивную доктрину зависти. Мы обращаемся к народу Германии с конечным, самым жестоким обвинением. Но это конечное, чрезмерно жестокое обвинение таит в себе конечное великое примирение. Мы обвиняем правых и располагаем к себе левых. Обе стороны виновны в германской катастрофе. Но основной виновной стороной является представитель правой партии, а следовательно, он должен покаяться и принести жертву. Если он хочет, чтобы левые позабыли о своем пролетарском мышлении, он сам первый должен иметь достаточно мужества, чтобы позабыть о своем буржуазном мышлении.

Мы не хотим буржуазного государства. Мы не хотим пролетарского государства. Мы хотим Германии! Нация является окончательной и величайшей вещью; вне ее индивидуум ничего

не значит. Но эта нация не будет полностью едина, пока каждый индивидуум не будет иметь в ней места. Судьба не будет полностью едина, пока каждый индивидуум не будет иметь в ней места. Судьба не будет разделенной, пока 30 миллионов левых не будут также принадлежать ей как стабильное германское трудящееся сообщество.

Мы националисты из-за того, что мы осознали, что каждая концепция великого государства берет свое начало на родной земле. Мы националисты из глубокого стремления к корням. Мы националисты не из-за атавизмов прошлого, а из-за цели на будущее. Мы хотим освободить мир через Германию, а не освободить Германию через мир. Мы националисты из-за того, что мы знаем, что никто не поможет нам в беде, ни один единичный фактор не имеет обязанности освобождать Германию – только мы сами!

Мы социалисты из-за того, что мы не хотим сражаться за права наших поработанных соотечественников как за добровольно или даже неохотно отданные дары. Мы социалисты из-за того, что мы хотим, чтобы они получили эти права как политическую необходимость и из народной справедливости.

Мы именуем себя “Партией рабочих” не из-за того, что питаем иллюзии, будто лишь ручной труд может спасти Германию. Мы называем себя “Партией рабочих” потому, что рабочий будет принадлежать нам, каким бы он, либо руками, либо сердцем, германский рабочий ни был. Оба принадлежат друг другу. Одному мы говорим: “Ты стоишь между молотом и наковальней своей судьбы; ты ничем не отличаешься от другого человека, который сидит в своем кабинете и составляет планы о гигантском будущем Германии”. Другому мы говорим: “Ты сидишь в своем кабинете и составляешь планы и схемы; ты ничем не отличаешься от другого человека, который стоит у наковальни и выковывает из твоих мыслей железную судьбу”. Вместе вы всё; в одиночку вы оба погибнете.

Сражение началось, не только в Германии, но и во всем мире. На Дальнем Востоке выступили сотни миллионов. Они не сражаются за свою свободу с кличем “Да здравствует Третий Интернационал!”, а под лозунгом “Китай для китайцев!” То же сражение началось в Индии. Огонь свободы мерцает в колониях. Лишь Германия мыслит по интернациональному. Лишь мы верим в право человечества; верим в право любви к миру, который не существует на земле.

Адольф Гитлер однажды сказал фразу: “Право – это власть!” Пока у вас нет власти, вы не получите прав! Если у вас нет власти, вы можете быть правым двадцать раз, но все равно останетесь неправым!

30 миллионов левых и 30 миллионов правых противостоят друг другу. Лишь один получит преимущество от этого – международный бич мира. 30 миллионов левых и 30 миллионов правых поднимаются друг против друга. Если правые желают свободы для Германии, тогда левые готовы воткнуть правым в спину нож, и наоборот. Лишь когда все встанут снова вместе, когда из обоих сформируется вновь народ численностью в 60

миллионов, лишь тогда этот народ сможет завоевать свою свободу. Основным условием германской свободы является воля к свободе. Задачей нашего движения является подготовить эту волю. Пока 60-миллионный народ не захочет стать свободным с глубочайшим пылом в своих сердцах, судьба мира, Бог истории не даст своего благословения на это. Свобода – это самая главная и самая великая вещь, которая нам нужна.

Спросите у нас нашу цель. Свобода – наша цель! Спросите у нас наш путь. Социализм – это путь к нашей свободе. Пускай всезнайки жалуются и призывают на помощь: тщетно. Мы не потеряем надежды на свободу, пока хоть один человек по-прежнему желает этой свободы всем своим сердцем. <...>

Мы хотим социализма как доктрины общества. Мы хотим социализма как древнегерманской идеи о судьбе. Мы хотим сделать из Германии народ, объединенный социалистическим способом не только в радостях, но и в горестях. Мы хотим сделать из Германии народ, разделяющий ее страдания, ее хлеб и ее судьбу. Есть размышления, которые берут свои корни не из книг, а из глубокого понимания сути вещей, данных нам политическим инстинктом на будущее.

Мы проиграли войну. Народу не нужно умирать из-за этого. Мы проиграли революцию. Эта потерянная революция должна была быть сделана хорошо. Таким образом, мы уже не видим конечного разделения людей на десятки партий и десятки организаций, а лишь на две части – рабочие и воры, голодные и сытые. Нужно более подробно осудить их. Пережравшиеся – это те, которые перед войной считали Германию горсткой рабов, которые саму войну превратили в доходное дело, которые после войны удобно отдыхали на фундаменте событий. Голодные – это те, кто до войны были исключены из нации, кто во время войны пожертвовали на алтарь Отечества в окопах свое здоровье и свою жизнь, и которых теперь вталкивают в систему, более жестокую и более безответственную, чем любая из всех существовавших в истории. Они по-прежнему проскакивают мимо друг друга; пресытившиеся по-прежнему хорошо понимают, как направить волю голодных к свободе на ложную дорогу. Но рано или поздно настанет день расплаты, когда каждый будет стоять перед лицом фактов, тот день, в который враг проявит себя во всей его жестокой наготе, когда голодный убьет сытого, ибо этого потребует идея Жизни, Государства, Нации, Германии.

Пусть они оскорбляют нас и издеваются над нами. Мы знаем одно: сегодня не пойдут на пользу размышления о работе на свободу. Пусть они смеются над нами, над якобы исчезающим меньшинством, которое, когда наступит самая страшная катастрофа, развернет флаг свободы на земле, управляемой большинством. История всегда делается меньшинством, осознавшим свою цель, и ведомым по дороге к свободе и возрождению радикальной волей. Пусть они смеются над молодыми, которые поднимаются против старого. Мы гордимся, что в наших рядах можно найти молодых. Для нас юность – это не ошибка в себе, так же как возраст не является достоянием самим по себе. Мы хотим поощрять юношеский энтузиазм и знаем, что эта самая молодежь имеет великое задание завершить работу ради свободы. Мы не проклинаем опыт и ясную мудрость

преклонного возраста. То, через что мы проходим, ничего не имеет общего с опытом или мудростью. Катастрофа великого народа настолько чудовищна и так ужасна, что она поражает каждого, будь-то молодой или пожилой, с равной жестокостью. Того, в чем мы сегодня принимаем участие, никогда не испытывал ни один живой человек. Но молодость всегда была в центре событий. В ужасные годы нашего прошлого она выросла так рано в мужчин. Поскольку в своей юности наши молодые люди видели больше и испытали больше, чем какое-либо иное поколение. Кто решится бросить первый камень в нас? Мы сменили свои знамена раньше, и мы сменим наши знамена позднее. Мы знаем, что борьба будет стоить крови, но мы знаем и то, что ни одна капля крови не будет пролита напрасно, а упадет на германские поля тоски. Мы – это та самая юность, движимая миссионерским усердием, движимая необходимостью действовать, сформировавшаяся задачей, наложенной на нас мировой историей. Эта юность строит Германию будущего. Она смеется над мудрым опытом и высокомерным превосходством мудрых и старых. Ожидаемое нами выше, нежели опыт и знания. Вот она идет, молодая национал-социалистическая Германия, люди, которые желают только помочь, распознать, разъяснить и работать. Странники новой идеи, которые придадут форму будущему. Осторожные бойцы за дух будущего националистического государства в его яснейшей социалистической форме и образце. Они связаны с этим старым государством ничем иным, как безграничной ненавистью к его духу и его сторонникам. Они будут в авангарде борьбы против демократическо-либеральной системы. Движение к свободе не берет своего начала ни из одной холодной силы интеллекта, а является субъектом воли, эмоции; той воли, которая внезапно бьет людей подобно вулканическому извержению, и несет в своем кильватере все, что ранее было малодушно и трусливо. Мы так ужасно поработаны, что ни интеллект, ни статистика не могут освободить нас. Лишь воля к свободе может принести нам освобождение, лишь окончательное решение подчинить все наши мысли, и чувства, и действия этой единственной цели.

Итак, мы не сражаемся против Интернационала, так как не хотим подавить волю рабов к свободе. Интернационал не признает никакой воли к свободе; но мы распознали лживость Интернационала. Угнетенный класс, угнетенный народ никогда не освободит себя посредством международных протестов, а лишь через национальную цель на будущее. Французы конца восемнадцатого столетия не ждали солидарности от немецких и британских граждан. Они сбросили свои цепи без помощи, своими собственными силами, как раз в тот момент, когда цепи стали невыносимыми для них. Мощь старой системы попыталась сломить их дух, но они защитили себя и реализовали свой принцип освобождения победоносно во всем мире. Сегодня происходит то же. Германский рабочий не станет свободным, пока не освободит самого себя своими усилиями, и он сделает это, когда больше не сможет носить цепи рабства.

Он по-прежнему с воодушевлением относится к Интернационалу, поскольку не понял всей глубины его значения. Наш злейший враг – демократия, деньги – они интернациональны. А деньги не преодолеть ни демократией, ни деньгами, а только кровопролитием.

Дорога к свободе проходит через нацию. Чем больше объединена такая нация, тем сильнее и яростней ее воля к свободе. Задачей национал-социализма является отдавать этой страстной воле к свободе боевые приказы на националистической и социалистической основах. Мы желаем свободы так же, как и вы, германские рабочие левых убеждений, только иными средствами, средствами, которые приведут нас к цели. Вашей программой есть интернациональная солидарность. Солидарность нации, сообщества людей – это наша программа. Они поверят нам, что наше сообщество людей – это не пацифистские помои, как предполагает средний класс. Сегодня сообщество людей – это ни что иное, как борьба за права народа ради спасения нации. Мы хотим этой борьбы, ибо лишь она одна может принести нам свободу.

Должна быть борьба за будущее. Вы, левые, и мы боремся друг против друга, не будучи истинными врагами. В этом процессе силы раздробляются, и мы никогда не достигнем своей цели. Возможно, смертельная опасность приведет вас к нам. Возможно! Не качайте головами: в этом вопросе мы печемся о будущем Германии, и более того, о будущем Центральной Европы. Новое государство, или же руины и хаос, все в наших руках.

Мы – молодость Германии, мы – носители судьбы поколений. Давайте никогда не забывать об этом! Когда нужда станет величайшей, к нам найдут дорогу и левые, и правые. Дороги от нас к вам не существует. Почему мы не можем объединиться с буржуазными партиями? Потому, что мы пришли из двух разных миров. Вы живете в крахе. Мы живем в пророческой концепции будущего Государства. Вы – препятствие на нашем пути. Буржуазные увещеватели, вы проповедуете за нашими спинами и хотите подорвать нашу волю к свободе, и хотите, чтобы мы действовали умеренно во имя Национализма и Социализма. Но за годы катастрофы мы поняли: революции никогда не делаются в парламенте, даже если каждый день выдвигать новые предложения и резолюции.

Среди людей функционирует сила, которая построит новое государство, такая сила, которую буржуазия в своем политическом замысле не сможет приобрести, поскольку она не хочет серьезно приобрести ее. Организация такой силы – вот задача “Партии Рабочих”, так часто оскорбляемой буржуазными партиями.

Какой бы ужасной и неразрешимой ни была германская нужда, мы верим, что настанет день. Этот день настанет, так как он должен прийти. Молодежь Германии страдала не напрасно. История не сможет проигнорировать того, что целое поколение борцов истекло кровью на полях битвы за идею, возможно, бессознательно, но она жила в них всех, эта идея; в дальновидном – как вера, в верующем – как смутное предчувствие. Молодая Германия узнала, что мы живем на земле, чтобы принести жертву нации. И ее мысли и действия вращаются вокруг Германии, вокруг одной Германии.

Итак, мы рассматриваем проблему России не как проблему настоящего, а как проблему будущего. Россия лежит окруженная

великой проблемой Европы, но когда Россия проснется, мир увидит чудо. Мы, молодые германцы, предвидим это чудо инстинктом людей настоящего. Мы не мечтатели, которые связывают свою последнюю надежду на будущее Германии с этим чудом. Скорее, наш долг остановиться на ничем, но чтобы мы могли смотреть на это чудо, как равные партнеры, или перейти на его сторону. Это будет пробуждением России, которое будет более ужасным, чем война. Это пробуждение создаст национал-социалистическое государство, о котором, сознательно или подсознательно, так пылко мечтает молодое поколение Германии.

Мы поняли это благодаря крушению Интернационала: из убогости и лицемерия неестественного, вонючего пацифизма, классовой солидарности, преувеличенно разрекламированной, в рушащихся системах Европы поднимает свои победные стяги национальный инстинкт. Почти незаметно начинает формироваться характер националистского государства социализма.

Социализм не может и не спасет мир. Мир никогда не будет спасен. Он спасет людей, возможно, народы: это политическая доктрина будущего нации.

Мы уже не верим в пролетарскую волю к солидарности. Мы уже не верим ни в мировую революцию, ни в спасение мира. Мы не верим ни во что иное, кроме нашей собственной силы. В нее мы верим все горячее с полным фанатизмом, со всей волей к будущему, которая горит в нас. Никто не спасет нас, кроме нас самих. Если кто-то считает, что сможет это сделать, мы не захотим, так как мы гордо верим, что можем сделать это сами. Мы социалисты, германские социалисты. Мы не хотим быть показательными. Мы не удовлетворены убеждением. Мы хотим укрепить и углубить убеждение работой и неутомимым стремлением. Мы требуем ясности, ясности!

Они нас еще не знают! Покорные, вялые и трусливые придут в ужас от радикализма наших требований, от неумолимой логики того, что должно быть и того, что мы намереваемся сделать просто по той причине, что это должно быть сделано. Сегодня они знают в Германии, что мы никому не позволим превзойти нас в нашем националистическом фанатизме свободы. Они скоро также поймут, что мы уверенно стоим впереди всех в нашей воле к социализму. Одна вещь по-прежнему придает нам уверенность в борьбе, одна вещь по-прежнему сохраняет нашу надежду на будущее и нашу страстную приверженность к народу, к свободе и к отечеству: вера в германского рабочего, в его разум, и его руки. В это мы верим. Мы верим в волю к самопожертвованию, в сумасшедший порыв к свободе, который дремлет в нем, и эта воля однажды проснется. Мы верим в социализм в рабочем, мы верим в массовый ритм. Мы верим в будущее истории. Это наше последнее утешение, наша последняя надежда.

Если мы когда-нибудь вынуждены будем сказать, что мы больше не верим в это, тогда отчаяние будет нашим последним убежищем. Но этого не случится, не должно случиться. Мы боремся за душу германского рабочего. Вот она. Под отчаянием,

нищетою и голодом она дремлет и ждет того, кто спасет ее от смерти. Вернет к жизни! На эту роль судьба уготовила нас! Мы выбраны для более великих дел, чем простая власть. Мы должны создать новое государство, а в нем – новых людей. Это не высокопарное утверждение, а ясная, трезвая правда. Этот новый человек уже поднимает свою тяжелую от сна голову и произносит слова всеобщего значения. Приближается время такой жестокости, которой мы еще не видели, по сути, мы уже посреди нее. Перед лицом этих событий все дискуссии превращаются в пустую болтовню. Поверх всей путаницы пустых слов, которые бесцельно изнашивают нас, поверх лавочников, всезнаек и слабаков призыв к действию потечет в новую Европу стремительной приливной волной с кроваво-красным крестом. Ибо мир не терпит труса, а повинует мечу. Еще не все бесстрашные лежат погребенными под руинами, которые поглотили Германию.

Таким будет осуществление. Но к такому завершению ведет нескончаемая дорога. Все мы ищем ее болезненными неуверенными действиями. Впереди всех нас идет первопроходец – Адольф Гитлер.

Снова, впервые во времена бескрайней трусости, во времена дичайшего террора он развернул знамя свободы. Он сражался за этот флаг с предельно страстной верой в свободу. Он пронес этот флаг над нашими головами в бурные дни ноября 1923. Как лидер идеи он шел впереди своих сторонников под градом пуль реакции. Пускай марксисты обзывают нас буржуазными и капиталистическими. Не марксист, и не рабочий стрелял в нас 9 ноября 1923-го, а реакция. Она стреляла в нас, потому что мы не хотели занимать трусливую и удобную позицию на плоскости фактов, потому что мы дали ход страстной воле к свободе, потому что мы исповедовали в качестве нашей конечной цели не вот это: “Поддержание мира является первоначальным гражданским долгом”, – а, в качестве условия свободы, страстную потребность в этой свободе.

Итак, мы идем нашей дорогой, как люди, которые по-прежнему верят в будущее Германии. Итак, мы освобождаем на земле вулканическое извержение новой воли к свободе и знаем, что однажды этот вулкан сыграет на пользу баррикадам революции.

Вот чего мы требуем, вот такие мы. Мы не обещаем ничего, кроме одной вещи: что мы честные бойцы за то, чего мы желаем.

Итак, мы призываем к борьбе. Над нами развивается флаг германской революции: красный фон с белым кругом и черной свастикой в нем. Под этим флагом в борьбе мы добьемся того, что сегодня есть лишь пустые разговоры и иллюзии: мира между разумом и кулаком.

Единства народа!

Перевод на русский язык А. Иванова